

Глава VII

ДЗЭН (1969)

В Индии два забавных образа используются, чтобы охарактеризовать два основных вида религиозности. Один из них — «котенок», а второй — «обезьяна». Когда котенок мяукает, мать прибегает, хватает его за загривок и переносит в безопасное место. Тот, кто хоть раз побывал в Индии, мог видеть прыгающие по деревьям и пересекающие дороги стаи обезьян и среди них — малышей, сидящих на спинах у матерей и самостоятельно за них держащихся. В контексте религии это означает, что в первом случае человек просто молится: «Боже, Боже, спаси меня», а во втором — ни о чем не просит, не хнычет и делает все сам. В Японии те же формы религиозного отношения именуются *тарики* — «внешняя сила», или «сила извне», и *дзирики* — «собственная сила», «сила изнутри». В японском буддизме два явно противоположных образа религиозной жизни и мысли определяют совершенно разные пути к просветлению.

Первый, более распространенный, представлен сектами дзёдо и син-сю, где верующие молятся недостижимому, совершенно мифическому Будде, именуемому на санскрите *Амитабха*, «Безграничное Сияние» (также *Амитайюс*, «Бесконечная Жизнь»), а в японском — *Амида*. Подобно Христу, приносящему спасение, этот Будда освобождает от перерождений. Дзирики же — путь

внутренней энергии, не предполагающий ни просьб, ни ожидания помощи от божества или Будды; этот путь основан только на самостоятельной работе и собственных достижениях и представлен в Японии главным образом дзэн.

В Индии рассказывают притчу о боге Вишну, опоре Вселенной. Однажды Вишну внезапно призвал свой летающий транспорт — Гаруду, солнечную птицу с золотым опереньем. Жена Вишну, богиня Лакшми, спросила, зачем он это сделал, и бог ответил, что один из его почитателей в беде. Однако, едва взлетев, Вишну тут же вернулся и отпустил птицу, а его жена вновь спросила почему. На это бог ответил, что приверженец уже сам о себе позаботился.

Путь дзирики, представленный в буддизме махаяны, в Японии называют дзэн. Он является особой формой религии (если, конечно, можно его так называть), в которой нет идеи высшего божества, а человек не зависит от Бога или богов, ему не нужен даже Будда. Более того, в дзэн нет вообще никаких отсылок к сверхъестественному.

Его можно описать как:

- ✧ передающий откровение без священных текстов;
- ✧ не связанный ни со словами, ни с письмом;
- ✧ обращенный напрямую к душе человека;
- ✧ всматривающийся в собственную природу человека;
- ✧ позволяющий достичь просветления через все перечисленное.

Само слово «дзэн» произошло от искажения китайского слова *чань*, которое, в свою очередь, является неправильным произношением санскритского *дхьяна*, что переводится как «созерцание, медитация». Созерцание чего именно?

Перенесемся на мгновение в лекционный зал, где я впервые представлял материал этой главы. Под потолком горят лампы.

Каждая лампочка светит независимо от других, и потому их можно считать самостоятельными предметами. С этой точки зрения они представляют собой множество эмпирических фактов, — Вселенную, воспринимаемую так, в Японии называют *дзи хоккай*, «вселенная вещей».

Но давайте рассмотрим следующие варианты. Каждая лампочка является источником света, и этот свет един, а не многообразен. Можно сказать, что все лампы дают один свет, и поэтому позволительно говорить не только о множестве ламп, но и о едином свете. Кроме того, если какая-то лампочка перегорит, ее просто заменят другой, а свет останется тем же самым. Таким образом, единый свет проявляется при помощи большого количества лампочек.

Аналогично, глядя в зал с кафедры, я вижу перед собой большую аудиторию. Так же, как каждая лампочка является носителем света, любой слушатель является носителем сознания. Но самым главным в лампочке является яркость излучаемого света. А в человеке важно качество сознания. И хотя каждый из нас склонен отождествлять себя с телом, его можно рассматривать как просто вместилище сознания. Таковы два подхода к интерпретации и восприятию одного и того же набора существующих фактов. Один подход никоим образом не хуже другого, это просто различные способы понимания. Первый основан на разнообразии отдельных вещей, а второй рассматривает частные случаи как проявление общего. Первый подход, как уже говорилось, на японском называют *дзи хоккай*; второй именуют *ри хоккай* — «абсолютная вселенная».

Итак, сознание *дзи хоккай* не может не отличать один объект от другого и, подобно свету в лампочке, ограничивается хрупким телом из стекла. В сознании *ри хоккай* подобных границ нет. Потому главной целью всех мистических учений Востока является помочь человеку перейти, так сказать, от отдельной

лампочки к ее свету, то есть чувствовать себя не телом, но сознанием, для которого тело — просто вместилище. В этом, собственно, и заключается весь смысл знаменитого высказывания из «Чхандогья-упанишады»: tat tvam asi — «Ты есть То», «ты и есть единообразная основа всего существующего, любого сознания и блаженства».

Это, однако, не то «ты», каким человек обычно себя видит, и не личность, которой для удобства налогового инспектора присвоены имя, номер и компьютерный код. Это «ты» — вовсе не «То», а условие, делающее нас отдельными лампочками.

Однако нелегко перейти в ощущении собственного бытия сначала от тела к собственному сознанию, а затем и к сознанию всеобщему.

В Индии я познакомился и беседовал с мудрецом по имени Шри Атмананда Гуру из Тривандрума, и он предложил мне подумать над таким вопросом: «Куда деваешься ты в промежутке между двумя мыслями?» В «Кена-упанишаде» сказано: «Туда не проникает ни глаз, ни речь, ни разум... Поистине, это отличается от познанного. И выше непознанного». Возвращаясь из промежутка между двумя мыслями, понимаешь, что все слова — которые, конечно, могут обозначать только идеи и вещи, имена и формы — просто вводят в заблуждение. Как говорится в той же Упанишаде, «мы не знаем, не понимаем, как можно учить Тому».

Я думаю, каждый из нас уже убедился на личном опыте, что невозможно передать словами свои переживания, если собеседник не испытывал ничего подобного. Попытайтесь, например, рассказать человеку, никогда не видевшему снега, что чувствуешь, когда катишься на лыжах по склону горы. Более того, мысли и определения порой сводят на нет даже наши собственные переживания. Например, когда задаешься вопросами: «Любовь ли то, что я чувствую?», «Разрешено ли это?» или «Прилично ли это?». Иногда подобные вопросы задаешь себе поневоле,

но факт остается фактом — стоит им возникнуть, как вся непринужденность моментально улетучивается. Точные определения загоняют жизнь в прошлое, откуда она уже не в силах прорваться в будущее. И очевидно, что любой, кто постоянно втискивает свою жизнь в рамки намерений, значений и поисков смысла, рано или поздно потеряет всякую остроту переживаний.

Первая и главная задача дзэн — разорвать паутину наших представлений, почему некоторые и называют его философией «отсутствия сознания». Многие школы западной психотерапии полагают, что основной потребностью человека, главной целью его поисков является смысл жизни. Некоторым это действительно помогает, но подобная помощь неизменно оказывается только интеллекту. Когда рассудок подходит к самой жизни со всеми своими названиями, категориями, определениями взаимоотношений и выяснениями смыслов, что-то сокровенное неизменно исчезает. Дзэн, напротив, придерживается мнения, что жизнь и ее восприятие предшествуют смыслу. Идея в том, чтобы жизнь шла своим чередом без всяких названий, — это позволит тебе жить «внутри своей кожи», стать тем, кто ты есть, а не кем назван.

Учителя дзэн любят рассказывать притчу о том, как однажды проповедовал Будда: он просто взял в руку лотос, и в этом жесте заключалась вся проповедь. Однако только один из слушателей, монах по имени Кашьяпа, постиг послание (сейчас он считается основоположником дзэн). Будда, заметив это, кивнул ему, а затем выступил со словесной проповедью для остальных, кому все еще был непонятен смысл и кто не мог вырваться из паутины определений, но все-таки искал путь из западни и надеялся, что рано или поздно на него выйдет.

Сам Будда, по легенде, разорвал эту паутину лишь после нескольких лет поисков и аскетизма, когда сел наконец-то под деревом бодхи — деревом просветления, растущим в самом центре

Вселенной, том центре глубочайшего внутреннего безмолвия, которое Томас Элиот в стихотворении «Бернт Нортон» назвал «спокойной точкой вращения мира». Словами поэта:

Я знаю, что где-то мы были, но где мы были, не знаю,
И не знаю, как долго: во времени точек нет.

Вскоре у дерева появился бог по имени Желание и Смерть, чья сила заставляет мир вращаться. Он приблизился к Благословенному, чтобы сместить его с точки неподвижности. Приняв истинный облик прекрасного искусителя, бог явил Благословенному трех своих красавиц-дочерей — Тоску, Исполнение и Страдание, — и если бы сидящий под деревом подумал: «Я», то, конечно же, подумал бы также: «Они», и смущился. Однако Будда уже утратил дзи хоккай, чувство обособленности вещей, и продолжал сидеть неподвижно. Первое искушение сорвалось.

Тогда бог Желания превратился в Царя Смерти и двинул на Благословенного всю свою гигантскую и ужасную армию. Но и в этом случае не было ни «Я», ни «Они», и Благословенный сидел неподвижно, так что и второе искушение было тщетно.

Наконец, враг принял форму бога Дхармы, Долга, и поставил под сомнение право Благословенного сидеть неподвижно, когда вокруг вращается весь мир и долг касты принуждает Будду, принца, вернуться во дворец и править людьми. После этого принц лишь изменил положение правой руки: свободно упав с колена, она коснулась кончиками пальцев земли — с тех пор этот жест так и называют: «прикосновение к земле». Тем самым Будда призвал в свидетели саму богиню Земли, Мать-Природу, бывшую прежде общества и высшую, чем оно. Раздавшийся раскат грома подтвердил, что за время бесчисленных жизней и перерождений сидящий здесь полностью отдал себя миру, и теперь под деревом никого нет.